

«Утверждаю»

Директор Федерального
государственного бюджетного
научно-исследовательского
учреждения «Российский
институт истории искусств»
Третьякова Е.В.

29 декабря 2014 г.

ОТЗЫВ

**ведущей организации – Федерального государственного
бюджетного научно-исследовательского учреждения
«Российский институт истории искусств»
на диссертацию Нуриевой Ирины Муртазовны
«Удмуртская музыкально-песенная традиция:
специфика жанрообразования и функционирования»,
представленную на соискание ученой степени доктора искусствоведения
по специальности 17.00.02 – Музыкальное искусство**

Удмуртская музыка устной традиции является частью большого полиэтнического и поликонфессионального волго-камского (поволжско-приуральского) региона, который сложился в результате сложных историко-культурных процессов как конгломерат финноугорских и тюркских народов. Традиционные культуры регионообразующих этносов складывались и развивались в процессе взаимодействия этнокультурных свойств генетически различных культурных миров, с древности формировавших их, признаки которых они несут в своем фольклорном наследии. Это определяет специфику и сложную неоднозначность многих явлений музыкальной культуры региона, на пути познания которых предстоит определить генезис и специфику каждой из этих этнических культур и их составляющих. В этом ряду удмуртская музыкально-песенная культура, несущая в себе исторически и генетически различные культурные явления, чрезвычайно важна в картине региона для понимания явлений культуры соседних этносов, содержит как

древние, автохтонные для Волго-Камья пласты традиционной культуры, так и микстовые явления музыкального стиля. Разные исторические пласты ее музыкального стиля роднят ее с соседними культурами региона – тюркскими и финноугорскими. Это подтверждает **актуальность** представленной работы.

В диссертации И.М. Нуриевой предметом всестороннего этномузыкологического исследования впервые становится вся удмуртская музыкально-песенная традиция в целом, во-первых, существующая на всех территориях расселения удмуртов, включая периферийные группы и бесермян, во-вторых, во всех ее исторических слоях и жанровых проявлениях. Уже Оглавление работы демонстрирует целостное, многогранное, исторически глубокое видение автором предмета своего исследования. Автором предложены такие ракурсы рассмотрения, в которых предмет изучения вырисовывается в небывалых доселе измерениях этой культуры, и в этом несомненная **научная новизна** исследования. Наряду с этномузыковедческими данными и методами (ладоинтонационного, типологического, системного анализа) в диссертации применены данные и методы изучения исторических и филологических наук, без которых невозможен многосторонний исследовательский охват синкретичного материала традиционной музыки, осмысление его в контексте истории этноса. Привлечение автором, казалось бы, специфических данных археологии отнюдь не формально: эти данные служат информационной базой для прояснения истоков мифологических представлений этноса, обрядового поведения, и в конечном итоге – приуроченности традиционного пения и формирования жанров песенного фольклора. Следует отметить высокопрофессиональный, современный, точный язык изложения, в котором проявлено владение категориями не только музыковедения, музыкальной фольклористики, но и этнолингвистики, (этимологии), этнографии, этнологии в целом.

Уже во *Введении* диссертации автором определяется исторически сложное межцивилизационное расположение удмуртской культуры в контексте Евразии: на границе взаимодействия древних лесных и кочевых культур; финноугорского, иранского и тюркского миров; в сферах влияния культурных эпицентров Северо-Восточной Европы и Западной Сибири.

Относительная немногочисленность не только песенных жанров, но и самих мелодических типов в удмуртской традиции в целом и вытекающая из этого обстоятельства полифункциональность последних потребовала глубокого и широкого анализа историко-мифологического, религиозного контекста, из которого вырастает удмуртская песенная традиция.

Диссертация Нуриевой стратифицирует исторические пласты удмуртских песенных традиций, что всякий раз сопровождается целым рядом открытий и новых подходов. В центре каждой главы диссертации стоит музыкальный феномен, анализ которого представляет собой новое слово в его осмыслении. Тонкий музыкантский ракурс исследования реализован и в анализе звуковой картины в коллективном сознании удмуртов, сложившейся во взаимодействии древнего социума с лесным ландшафтом, и в уникальном научном описании акционального, вербального, музыкального (вокального и инструментального) ряда удмуртских молений (*Глава 1*).

Во *второй главе* впервые глубоко и всесторонне проанализированы (крезь), а в определенных случаях и впервые аргументировано обозначены в традиции (причитание) допесенные формы традиционного пения удмуртов, связанные с импровизационной свободой музыкально-вербальной формы.

Нуриева выдвигает убедительную гипотезу о связи сакрального фонизма акта коллективного произнесения ономотопозитического текста крезей у удмуртов с инструментальной традицией коллективной игры на флейтах у коми, подтверждающую научные представления о древнем синкретическом единстве вокального и инструментального начал в музыке устной традиции.

Следующий исторический пласт песенной традиции удмуртов – формульный мелос земледельческой общины – структурируется автором вокруг обрядовых комплексов аграрного календаря и свадьбы (3 глава). С глубоким проникновением в древний социо-культурный контекст анализируются родовые напевы как родовые символы, их коренной сакральный статус.

В музыкальном оформлении свадьбы как взаимодействия двух оппозиционных сторон обнаружены два самостоятельных песенных текста: локуса жениха и локуса невесты со своими стабильными и мобильными моментами. Анализируя терминологию обрядов, выводя их этимологию с позиций их семантического поля, автор поднимает широкие архаические пласты вербального языка, а за ними – мифологические корни и смыслы обрядового позиционирования участников свадьбы. Столь насыщенное действием само по себе обрядовое событие, каким является традиционная удмуртская свадьба, обобщается автором, прежде всего, с позиций музыкальной драматургии.

В позднем историческом пласте удмуртской песенной традиции, которым посвящена 4 глава, не все так просто и однозначно, как может казаться. В этимологическом анализе народных терминов, обозначающих пение сюжетных песен, высвечиваются связи этих песен со сказительскими жанрами угорского круга народов и следы эпического жанра в Волго-Камском регионе. В умении Нуриевой в процессе анализа этимологии термина и его семантического поля воссоздать утраченные жанровые контексты – одна из сильных сторон автора, владение всем контекстом удмуртского фольклора в целом.

Осмысливая значение вышеописанных феноменов удмуртской песенной культуры в *заключении* диссертации, Нуриева рассматривает всю удмуртскую песенную традицию в культурно-исторических контекстах, выходящих за пределы волго-камского региона: например, ставит проблему связей ее с тюркскими и иранскими культурами, а также показывает, как

обнаруженные и адекватно описанные удмуртские феномены заполняют пробелы в общей картине устных культур европейской части России, как например импровизации-плачи между мордовскими причитаниями и северо-европейскими плачевыми культурами, или латентно присутствующие в удмуртской культуре признаки эпического исполнительства. «С высоты птичьего полета» становятся видны межжанровые связи, территориальное и жанровой распределение интонационно-ритмической и жанровой характерности локальных традиций.

В диссертационном исследовании И.М. Нуриевой выявлены и описаны с современных научных позиций базовые явления традиционной музыкальной культуры, этническая специфика которых коренится в древнейших культурно-хозяйственных типах, в мифологической картине мира. В каждой главе диссертации содержатся серьезные научные открытия, значительно продвигающие вперед представления об удмуртской традиционной культуре и о наполняющих ее смыслах. При этом стоит особо отметить, что внемузыкальные факторы так тонко дозированы, что не перевешивают музыкальное начало, которое никогда не уходит из поля зрения исследователя.

Следует отметить многолетнюю плодотворную экспедиционную деятельность Нуриевой как собирателя-полевика, весьма важную для понимания природы фольклора и его носителей. В результатах в аргументах автора фигурирует не только эмпирический анализ нотного и звукового материала, но и представления, сложившиеся в традиционном коллективном сознании многочисленных этнофоров, что сформировало антропологическую базу исследования. Сами методы аналитической работы автора с музыкальными феноменами и культурно-историческими контекстами показывают новые подходы к удмуртской культуре устной традиции, применимые и к другим культурам региона. Все новые научные данные, изложенные в диссертации Нуриевой, могут быть использованы как в курсах лекций по традиционным культурам волго-камского региона, так и в

энциклопедических изданиях той же тематики. И в этом несомненная **практическая ценность** работы.

Наряду с серьезным впечатлением от проделанной работы встают вопросы и замечания, а именно:

1) На с. 335 диссертации автор размышляет об истоках формирования пентатоники в удмуртской традиционной мелодике и увязывает ее появление с приходом древних булгар в Поволжье. Конечно, автор имеет право на предположения, но генезис пентатоники в музыке народов Среднего Поволжья и Приуралья еще далеко не исследован. Неизвестно также, какова была музыка древних булгар, и была ли она пентатонной.

2) Поскольку в диссертации рассматривается все удмуртоязычные песенные традиции, но структура работы строится не по принципу рассмотрения этнографических групп, а по принципу жанровых истоков, хотелось бы прояснить: каким образом в удмуртскую этническую систему фольклора вписываются бесермяне, хотя и удмуртоязычные, но тюркского происхождения.

3) Учитывая столь широкий, плодотворный и независимый опыт общеэтнических обобщений автора на большом материале, хотелось бы знать: как в аналитической работе соотносятся и учитываются сведения общеэтнические и локальные? Каков механизм обобщений и возможен ли он при наличии локально-территориальных и этнографических групп?

Наши замечания ничуть не умаляют значения проделанной Нуриевой работы. Выводы и обобщения сделаны автором на очень высоком уровне осмысления реалий культуры, на основе анализа ее иерархической сложности, входящей, в свою очередь, в более крупные культурные и языковые иерархии.

Автореферат и публикации полностью отражают основные положения и выводы диссертации, а сама работа по содержанию соответствует указанной специальности.

Предлагаемая диссертация полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора искусствоведения, а ее автор – Нуриева Ирина Муртазовна – заслуживает присуждения искомой степени по специальности 17.00.02 – Музыкальное искусство.

Отзыв составлен кандидатом искусствоведения, старшим научным сотрудником сектора фольклора Российского института истории искусств Н.Ю. Альмеевой. Диссертация и отзыв обсуждены, отзыв утвержден на заседании сектора фольклора 24 декабря 2014 года (Протокол №13).

Старший научный сотрудник сектора фольклора,
Российского института истории искусств,
кандидат искусствоведения
Н.Ю. Альмеева

Заведующий сектором фольклора
Российского института истории искусств,
кандидат искусствоведения
А.В. Ромодин

Ведущий научный сотрудник сектора фольклора,
Российского института истории искусств,
доктор искусствоведения
В.А. Лапин

Контактная информация:
Альмеева Наиля Юнисовна
Российский институт истории искусств
190000 Санкт-Петербург,
Исаакиевская пл., д. 5,
8(812) 314-41-36; 8-911-25-25-347. almeeva@yandex.ru